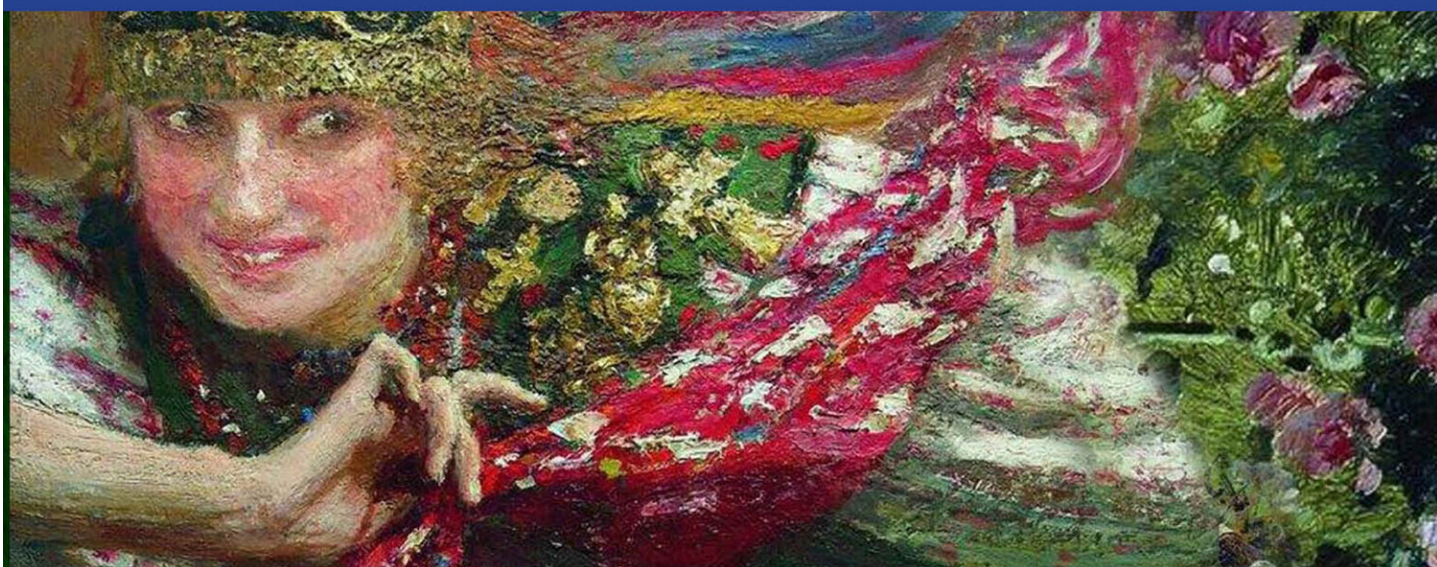

Павел Бажов

Горный мастер

ФТМ

Малахитовая шкатулка. Уральские сказы

Павел Бажов

Горный мастер

«ФТМ»

1939

Бажов П. П.

Горный мастер / П. П. Бажов — «ФТМ», 1939 — (Малахитовая шкатулка. Уральские сказы)

Русский сказочник Павел Петрович Бажов (1879–1950) родился и вырос на Урале. Из года в год летом колесил он по родным местам, и в Уральском краю едва ли найдется уголок, где бы ни побывал этот добытчик устного речевого золота и искатель самородных сказаний. Везде-то он с интересными людьми знал, про жизнь слушал и во все вникал. День и ночь работал сказочник. И на белых листах распускались неувядаемые каменные цветы, оживали добрые и злые чудовища, голубые змейки, юркие ящерки и веселые козлики. Исследователи творчества П.П.Бажова называют «Малахитовую шкатулку» главной книгой писателя. Сам же писатель говорил: «Хотелось бы, чтобы эта запись по памяти хоть в слабой степени отразила ту непосредственность и удивительную силу, которыми были полны сказы, слышанные у караулки на Думной горе». Всего П.П. Бажов создал 56 сказов, вот один из них, вошедших в сборник «Малахитовая шкатулка».

© Бажов П. П., 1939

© ФТМ, 1939

Павел Петрович Бажов

Горный мастер

Катя – Данилова-то невеста – незамужницей осталась. Года два либо три прошло, как Данило потерялся, – она и вовсе из невестинской поры вышла. За двадцать-то годов, по-нашему, по-заводскому, перестарок считается. Парни таких редко сватают, вдовцы больше. Ну, а эта Катя, видно, пригожа была, к ней все женихи лезут, а у ней только и слов:

– Данилу обещалась.

Ее уговаривают:

– Что поделаешь! Обещалась, да не вышла. Теперь об этом и поминать не к чему. Давно человек изгиб.

Катя на своем стоит:

– Данилу обещалась. Может, и придет еще он.

Ей толкуют:

– Нет его в живых. Верное дело.

А она уперлась на своем:

– Никто его мертвым не видал, а для меня он и подавно живой.

Видят – не в себе девка, – отстали. Иные на смех еще подымать стали: прозвали ее мертвяковой невестой. Ей это прильнуло. Катя Мертвякова да Катя Мертвякова, ровно другого прозвания не было.

Тут какой-то мор на людей случился, и у Кати старики-то оба умерли. Родство у нее большое. Три брата женатых да сестер замужних сколько-то. Рассорка промеж ними и вышла – кому на отцовском месте оставаться. Катя видит – бестолковщина пошла, и говорит:

– Пойду-ко я в Данилушкову избу жить. Вовсе Прокопич старый стал. Хоть за ним похожу.

Братья-сестры уговаривать, конечно:

– Не подходит это, сестра. Прокопич хоть старый человек, а мало ли что про тебя сказать могут.

– Мне-то, – отвечает, – что? Не я сплетницей стану. Прокопич, поди-ко, мне не чужой. Приемный отец моему Данилу. Тятенькой его звать буду.

Так и ушла. Оно и то сказать: семейные не крепко вязались. Про себя думали: лишний из семьи – шуму меньше. А Прокопич что? Ему это по душе пришлось.

– Спасибо, – говорит, – Катенька, что про меня вспомнили.

Вот и стали они поживать. Прокопич за станком сидит, а Катя по хозяйству бегаёт – в огороде там, сварить-постряпать и протча. Хозяйство невелико, конечно, на двоих-то... Катя – девушка проворная, долго ли ей!.. Управится и садится за какое рукоделье: сшить-связать, мало ли. Сперва у них гладенько катилось, только Прокопичу все хуже да хуже. День сидит, два лежит. Изробился, старый стал. Катя и заподумывала, как они дальше-то жить станут.

«Рукодельем женским не прокормишься, а другого ремесла не знаю».

Вот и говорит Прокопичу:

– Тятенька! Ты бы хоть научил меня чему попроще.

Прокопичу даже смешно стало.

– Что ты это! Девичье ли дело за малахитом сидеть! Отродясь такого не слыхивал.

Ну, она все ж таки присматриваться к Прокопичеву ремеслу стала. Помогала ему где можно. Распилить там, пошлифовать. Прокопич и стал ей то-другое показывать. Не то чтобы настояще. Бляшку обточить, ручки к вилкам-ножам сделать и протча, что в ходу было. Пустьшно, конечно, дело, копеечно, а все разоставок при случае.

Прокопич недолго зажился. Тут братья-сестры уж понуждать Катю стали:

– Теперь тебе заневолю надо замуж выходить. Как ты одна жить будешь?

Катя их обрезала:

– Не ваша печаль. Никакого мне вашего жениха не надо. Придет Данилушко. Выучится в горе и придет.

Братья-сестры руками на нее машут:

– В уме ли ты, Катерина? Эдакое и говорить грех! Давно умер человек, а она его ждет!

Гляди, еще блазнить станет.

– Не боюсь, – отвечает, – этого.

Тогда родные спрашивают:

– Чем ты хоть жить-то станешь?

– Об этом, – отвечает, – тоже не заботьтесь. Продержусь одна.

Братья-сестры так поняли, что от Прокопьяча деньжонки остались, и опять за свое:

– Вот и вышла дура! Коли деньги есть, мужика беспрерывно в доме надо. Не ровен час – поохотится кто за деньгами. Свернут тебе башку, как куренку. Только и свету видела.

– Сколько, – отвечает, – на мою долю положено, столько и увижу.

Братья-сестры долго еще шумели. Кто кричит, кто уговаривает, кто плачет, а Катя заколодила свое:

– Продержусь одна. Никакого вашего жениха не надо. Давно у меня есть.

Осердились, конечно, родные:

– В случае, к нам и глаз не показывай!

– Спасибо, – отвечает, – братцы милые, сестрицы любезные! Помнить буду. Сами-то не забудьте – мимо похаживайте!

Смеется, значит. Ну, родня и дверями хлоп.

Осталась Катя одна-одинешенька. Поплакала, конечно, сперва, потом и говорит:

– Врешь! Не поддамся!

Вытерла слезы и по хозяйству занялась. Мыть да скоблить – чистоту наводить. Управилась – и сразу к станку села. Тут тоже свой порядок наводить стала. Что ей не нужно, то подальше, а что постоянно требуется, то под руку. Навела так-то порядок и хотела за работу садиться.

«Попробую сама хоть одну бляшку обточить».

Хватились, а камня подходящего нет. Обломки Данилушковой дурман-чаши остались, да Катя берегла их. В особом узле они были завязаны. У Прокопьяча камня, конечно, много было. Только Прокопьяч до смерти на больших работах сидел. Ну, и камень все крупный. Обломышки да кусочки все подобрались – порасходовались на мелкую поделку. Вот Катя и думает:

«Надо, видно, сходить на руднишных отвалах поискать. Не попадет ли подходящий камешок».

От Данилы, да и от Прокопьяча она слыхала, что они у Змеиной горки брали. Вот туда и пошла.

На Гумешках, конечно, всегда народ: кто руду разбирает, кто возит. Глядят на Катю-то – куда она с корзинкой пошла. Кате это нелюбо, что на нее зря глаза пялят. Она и не стала на отвалах с этой стороны искать, обошла горку-то. А там еще лес рос. Вот Катя по этому лесу и забралась на самую Змеиную горку да тут и села. Горько ей стало – Данилушку вспомнила. Сидит на камне, а слезы так и бегут. Людей нет, лес кругом, – она и не сторожится. Так слезы на землю и каплют. Поплакала, глядит – у самой ноги малахит-камень обозначился, только весь в земле сидит. Чем его возьмешь, коли ни кайлы, ни лома? Катя все ж таки пошевелила его рукой. Показалось, что камень не крепко сидит. Вот она и давай прутиком каким-то землю отгребать от камня. Отгребла сколько можно, стала вышатывать. Камень и подался. Как хруп-

нуло снизу, – ровно сучок обломился. Камешок небольшой, вроде плитки. Толщиной пальца в три, шириной в ладонь, а длиной не больше двух четвертей. Катя даже подивилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.